

АРТИСТЫ

ХАЙРУЛЛИН АЙРАТ

Айрат Хайруллин

Артисты

«Автор»

2025

Хайруллин А. А.

Артисты / А. А. Хайруллин — «Автор», 2025

Что общего между древнеримской очередью за хлебом, средневековой исповедальней и советской поликлиникой? Всё! — утверждает главный герой этого рассказа, бывший преподаватель истории, которого жена заставила занять очередь к терапевту. Восемь утра, коридор, пахнувший хлоркой, двадцать пенсионеров и час ожидания впереди. Обычное утро в обычной поликлинике. Но что, если превратить тяжкое ожидание в путешествие сквозь эпохи? Что, если рассказать людям о том, как человечество стояло в очередях при Сталине и в блокадном Ленинграде, как покупало Булгакова в семидесятом и сникерсы в девяностых? И вот уже морщины разглаживаются, глаза блестят, смех эхом летит по коридорам. Пока не появляется жена — решительная, грозная, с законным вопросом: «Что ты тут устраиваешь?!» История о том, как простое человеческое тепло способно превратить серые будни в маленький праздник. О любви, которая прощает. И о том, что жить нужно достойно — с юмором, любовью и верой в светлое.

© Хайруллин А. А., 2025

© Автор, 2025

Айрат Хайруллин

Артисты

Всё началось с того, что жена послала меня в поликлинику занять очередь к терапевту. Не записаться через регистратуру – нет, это было бы слишком просто, слишком по-европейски. Нужно было именно занять, прийти к восьми утра, когда кабинет ещё заперт, а в коридоре уже сидит человек двадцать пенсионеров, знающих друг друга по именам-отчествам и обменивающимся рецептами борща. Я, надо сказать, к очередям отношусь философски – это ведь последний бастион советской цивилизации, её квинтэссенция, если угодно. Маркес писал про сто лет одиночества, а мы проживаем сто лет очередности – тоже своего рода магический реализм.

Лариса Петровна, жена моя, учительница русского языка и литературы – а кто же ещё? – вручила мне список требований: занять не позже восьми, узнать про анализы, выяснить насчёт направления к кардиологу. Я кивал, понимая, что запомню от силы половину. Но это нормально – в нашем браке уже тридцать лет действует негласное правило: она говорит, я соглашаюсь, потом делаю как получится, она возмущается, я виновато улыбаюсь. Круг замыкается. Гегелевская диалектика в отдельно взятой трёшке в спальном районе столицы.

Поликлиника наша – памятник советской архитектуры, построенная в пятьдесят третьем, когда ещё верили, что светлое будущее наступит при нашей жизни. Только нужно немного подождать. С тех пор так и ждут. Коридоры широкие, потолки высокие, лепнина облупленная – всё как полагается. Пахнет хлоркой и чем-то ещё, чему названия нет, но что безошибочно опознаётся как запах поликлиники. Я пришёл без десяти восемь, уверенный, что рано, и обнаружил опоздание минимум на час – народ сидел плотно, кто на скамейках, кто на подоконнике, кто просто стоял, прислонившись к стенке.

– Кто крайний? – спросил я, употребив это абсурдное словосочетание, которое так раздражало Ларису Петровну. «Последний, – поправляла она всякий раз, – крайним можешь быть только в сортире».

– Кто крайний? – повторил я, обращаясь к группе людей в очереди.

Молодой парень махнул рукой, не отрываясь от телефона. Я не понял, ответил ли он или просто отмахнулся.

– Кто крайний? – спросил я громче, но мой голос потерялся в шуме толпы.

Наконец, из-за спин впереди стоящих людей появилась пожилая женщина в платочке, вязаном кардигане и с авоськой на коленях.

– Я крайняя, – отозвалась бабушка. – Вы за мной.

Я устроился на свободном месте у стенки – все приличные места были заняты – и приготовился ждать. Достал телефон, но связь в подвале ловила плохо, читать при таком освещении было невозможно, и я начал невольно вслушиваться в разговоры.

Пенсионеры обсуждали всё на свете: рост цен на гречку, интриги в управлении ЖКХ, внуков, которые вечно заняты непонятно чем. И, конечно же, болезни. Целый концерт недугований – от артритных коленей до скачущего давления, от остеохондроза до загадочной аритмии. Каждый исполнял свою партию с азартом солиста, будто в болезнях открывался тайный смысл существования, а диагноз был пропуском в клуб избранных страдальцев. Я вспомнил Толстого: все счастливые семьи счастливы одинаково, а несчастные несчастны по-своему. С болезнями та же история – все здоровые здоровы одинаково скучно, а больные больны каждый по-своему интересно.

Восемь пробило, потом восемь тридцать. Врач не появлялась. Народ начал волноваться, кто-то сходил в регистратуру разведать обстановку и вернулся с сенсацией: доктор в пробке, будет к девяти. Толпа вздохнула – не разочарованно, а привычно, обречённо. Ещё полчаса

жизни, потраченные на сидение в казённом коридоре. Что ж, у нас времени много, мы богатая страна.

И тут меня осенило: я же могу их развлечь. Не зря тридцать лет преподавал историю в техникуме, не зря умею говорить перед аудиторией. В груди что-то тепло шевельнулось – не то актёрский зуд, не то простая человеческая жалость к этим людям, обречённым убивать время в ожидании.

Я откашлялся:

– А знаете, товарищи, вот мы тут сидим в очереди, а ведь это древнейшая форма социальной организации!

Несколько голов повернулись. Бабушка в платочке прищурилась недоверчиво, будто проверяя, не собираюсь ли я впаривать им пылесосы или религию.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.